

Расписание богослужений в храме Покрова Пресвятой Богородицы ноябрь 2019

2 суббота	Димитриевская родительская суббота 8-00 Исповедь. Часы. Литургия. ПАНИХИДА 16-00 Всенощное бдение. Исповедь
3 воскресенье	<i>Неделя 20-я по Пятидесятнице</i> Прп. Илариона Великого (371-372) 8-00 Часы. Литургия 16-00 Всенощное бдение. Исповедь
4 понедельник	Празднование Казанской иконе Божией Матери (в память избавления Москвы и России от поляков в 1612 г.) 8-00 Часы. Литургия. МОЛЕБЕН
9 суббота	Мч. Нестора Солунского (ок. 306) 16-00 Всенощное бдение. Исповедь
10 воскресенье	<i>Неделя 21-я по Пятидесятнице</i> Вмц. Параскевы, нареченной Пятница (III) 8-00 Часы. Литургия
16 суббота	Мчч. Акепсима еп., Иосифа пресвитера и Аифала диакона (IV) 16-00 Всенощное бдение. Исповедь
17 воскресенье	<i>Неделя 22-я по Пятидесятнице</i> Прп. Иоанникия Великого (846) 8-00 Часы. Литургия
21 четверг	Собор Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных. Архангелов Гавриила, Рафаила, Уриила, Селафила, Иегудила, Варахила и Иеремила 8-00 Исповедь. Часы. Литургия
23 суббота	Апп. от 70-ти Ераста, Олимпа, Родиона, Сосипатра, Куарта (Кварта) и Тертия (I) 16-00 Всенощное бдение. Исповедь
24 воскресенье	<i>Неделя 23-я по Пятидесятнице</i> Вмч. Мины (304). Блж. Максима, Христа ради юродивого, Московского чудотворца (1434) 8-00 Часы. Литургия
30 суббота	Свт. Григория чудотворца, еп. Неокесарийского (ок. 266-270) 16-00 Всенощное бдение. Исповедь

Храм открыт ежедневно с 9-00 до 17-00 Тел. (498) 317-24-52 <http://покровскийхрам-рубцово.рф/>

Приходской листок Храма Покрова Пресвятой Богородицы ноябрь 2019

Протоиерей Димитрий Смирнов

Вечерняя служба под Димитриевскую родительскую субботу

Сегодняшняя родительская суббота была установлена князем Димитрием Иоанновичем Донским после битвы на Куликовом поле. Вид погибших воинов – а погибло несколько десятков тысяч человек – ужаснул и тронул его сердце, и он решил установить специальное поминовение усопших перед днем памяти Димитрия Солунского, покровителя всех воинов и своего небесного покровителя, предстательством которого остался живым в такой страшной сече. Поэтому в субботу перед Димитрием Солунским мы поминаем всех павших воинов, а вместе с ними и остальных наших усопших сродников. Это стало русской традицией, ни в одной Церкви мира такая служба не совершается, только в России и там, где живут русские люди.

За последние десятилетия наш народ очень одичал. Это по всему чувствуется: и по тому, как в храме себя ведут бесчинно, и, самое главное, по тому, что никто своей веры православной не знает. Мы стали хуже, чем войско Мамай, с которым сражался князь Димитрий. В этом отчасти наша вина, отчасти и не наша. Не наша, потому что не мы с вами церкви ломали, а наша, потому что, дожив до седых волос, мы так и не поинтересовались, в чем же состоит вера православная.

Всякая вера начинается с того, что человек задумывается о смерти. Первый раз это происходит в самом юном возрасте. Когда ребенку исполняется три-четыре года, он приходит в недоумение: а что с ним будет потом? Начинает спрашивать у взрослых, но обычно ему никакого ответа не дают, и этот вопрос потом забывается, маленький человек перестает об этом думать. Причем когда мы были детьми, у нас не было страха перед смертью. Он появляется потом, когда люди начинают покойников бояться и бывают подвержены всякой прочей глупости. Это происходит от того, что человека пугает всякая неизвестность. Поэтому, не зная, что его ждет после смерти, он начинает бояться смерти.

Раньше, не так еще давно, люди умирали на руках у своих родственников. Сейчас нет, сейчас так устроено, что человек обычно умирает в больнице и у родных нет возможности ни обмыть покойника, ни обрядить, они получают уже готовый гроб с телом. Поэтому мы с этим таинством смерти непосредственно не сталкиваемся и не видим, как происходит момент смерти. А на самом деле видеть, как человек умирает, для души очень полезно. Александр Васильевич Суворов говорил: «Тяжело в учении, легко в бою». Если мы увидим, как люди умирают, то начнем задумываться: а сам-то я как буду умирать?

Смерти бывают разные: люди верующие, а тем более святые умирают совсем не так, как люди безбожные или маловерующие. Вот Лев Николаевич Толстой всю жизнь ломал голову, почему крестьяне так легко и хорошо, со спокойной душой умирают: чувствуя приближение кончины, позовет человек своих детей, благословит их, скажет, как распорядиться имуществом, сложит руки на груди, вздохнет два-три раза, и душа отходит. И Толстой все бился над этим вопросом, никак не мог его разрешить. Его удивляло, почему простого мужика ничто не мучает, голова его ни о чем не болит, душа его совершенно спокойна, он не кричит, не плачет, не говорит: доктор, спасите меня! почему вы меня не лечите? За горло никого не хватает, а отходит спокойно. В чем основа такого спокойствия? Основа – в глубокой вере в Бога и в глубоком знании того, что с ним будет потом. Человек знал, куда он отправляется. И нам это тоже очень полезно знать.

Что же такое смерть, как она происходит? Смерть наступает в тот момент, когда останавливается сердце. Часто бывает, что мозг перестает действовать – а человек живет, любой орган выходит из строя – человек еще жив, если же останавливается сердце, то человек мертв. Дело в том, что в сердце находится душа человека. Каждый из нас состоит не только из тела: костей, мышц, сухожилий, кожи, внутренних органов, – у нас есть душа. Это легко доказать: вот человек живой, сердце его бьется, он смотрит на нас, может даже с нами говорить. Прошла одна секунда – и он умер. Что в нем произошло? Кости те же, мышцы те же, кровь та же, мозг тот же. Что случилось? Душа от тела отошла.

И наши мысли, чувства, отношение к людям, молитва – это не есть продукт тела, но именно души. У лошади тоже тело есть, но она не мыслит и не чувствует, и нет у нее таких впечатлений, как у людей, нет у нее молитвы, потому что у нее нет бессмертной души, которая есть у человека. Этим-то человек и отличается от животного. А если у человека душа погибла, то он превращается в животное. И мы это очень часто наблюдаем: когда люди теряют Бога, теряют свою божественную, духовную сущность, они очень быстро превращаются в высокоорганизованных, но все-таки животных и живут как животные; им только поесть, поспать, какие-то удовольствия получить, отработать свое – ну совсем как рабочий скот. Никаких мыслей, только посмеяться, повеселиться, выпить, закусить и все. Хотя что-то божественное в человеке все-таки еще сохраняется, речь например, правда, она становится очень примитивной: пятьдесят матерщинных слов и несколько глаголов, и с помощью этого человек объясняется. Так и обезьяну можно научить тридцати-сорока словам.

Но вернемся к смерти. Вот мы умерли, сердце перестало биться, и душа от тела отошла. Что с нами в этот момент происходит? Оказывается, мы можем видеть свое тело – то есть у нашей души есть и глаза, и уши. И все наши эмоции, все наши чувства, весь наш разум, оказывается, находятся не в уме, а в душе. Поэтому, когда душа от тела отходит, она продолжает и мыслить, и чувствовать, и жить. И после смерти тела она наблюдает ту комнату или улицу, где нам Господь привел помереть. Если мы в больнице умрем, душа увидит, как вокруг нас засуетятся врачи; а если это случится ночью, то услышит, как наши соседи начнут кричать, звать нянечку, медсестру. Потом тело накроют белой простыней и на каталочке в морг повезут – душа это увидит, и увидит то, что в морге происходит, как делают вскрытие нашего тела.

После смерти человека его душа получает способность проникать в суть вещей, поэтому она будет не только слышать все разговоры между родственниками, детьми, племянниками, зятьями, но даже будет ощущать то, что они думают. Она увидит, как они делят наши ковры, как ругают нас за то, что мы не успели с ними съехаться, как стремятся первыми деньги с книжки снять. Потом увидит безобразную сцену поминок, когда все соберутся, начнут водку пить, салаты есть. Вот говорят, что на поминках не чокаются, потому что чокается считается весельем, а на поминках нужно, дескать, грустить. Но когда выпьют рюмку-другую, грусть пройдет, начнется веселый разговор и про покойничка забудут. А душа наша в этот момент будет очень страдать, потому что все мы люди грешные и, когда нас похоронят, душа пойдет по мытарствам и будет очень

нуждаться в молитве тех людей, которые остались на земле. А люди эти какой-то ерундой занимаются: тратят деньги на венки, которые никому не нужны, на покупку всяких снедей, водки.

Может, даже кто-то из наших родственников придет в храм: вот у нас человек умер, что надо сделать? Ему скажут: платите столько-то за сорокоуст. А что такое сорокоуст? Никто не знает. Слышали только: сорокоуст, помянуть, заказать, заплатить. Заплатил человек, взял пакет с песком, взял молитвы, ему объяснили, что венчик надо покойнику на лоб положить, а молитву в правую руку – это называется заочно отпеть. Но деньги-то заплатили, а молиться никто не молится. Молиться будет дядя там, в алтаре, который покойника не знает. Ему все равно, что Марья, что Дарья, потому что от всей души он может молиться лишь за того, кого знает. Это только святой, который духом своим проникает в тайны жизни другого человека, – только он может так молиться за незнакомого. Но святых угодников не пруд пруди, это крайне редкое явление. Поэтому усопший будет нуждаться в молитве, но ее не дождется.

И вот душа пойдет по мытарствам, полетит по страшным испытаниям. Как существо духовное, душа человека является носителем разных духов. Господь Иисус Христос, Который создал всех нас, хотел бы, чтобы душа наша была наполнена Духом Святым, но, к сожалению, у нас она наполнена не святостью, не благодатью, а гордостью, завистью, сребролюбием, любовью к вещам, жадностью, осуждением, клеветой, болтливостью, всяким хамством, непочтением. И бесы, которые населяли душу в течение жизни, будут стараться утянуть ее в преисподнюю. И многих туда утянут с помощью прельщения – с болтливым заговорят; блудливого постараются склонить к блуду; кто любил поесть, попить, будет соблазнен видимостью еды; кто имеет сильное пристрастие к родственникам, к деткам своим, тому деток покажут, он к ним ринется и так далее.

У человека духовного должна быть одна вожденная мысль – соединиться с Богом. А у нас этого нет. Вот сегодня, видите, сколько народу собралось усопших помянуть. Потому что очень любят своих родственников: маму, папу, дедушку, бабушку, мужа, дитя. Плохо ли? Очень хорошо. Но придите в воскресенье – вы увидите гораздо меньше народу, потому что Бога воскресшего любят гораздо меньше. К папе, маме любовь гораздо сильнее, чем к Самому Богу. Значит, если наши папа с мамой в аду, то и мы тогда будем в аду вместе с папой и мамой обниматься, а Бога не встретим.

Самое главное, чему нас Господь хочет научить, – любви к Богу. И если бы мы к Богу устремились, то могли бы и Бога достичь, и папу с мамой из ада преисподнего своей молитвой вытащить. Но Господь нам такую возможность предоставляет, а мы не хотим. Мы о Боге и не задумываемся, нам важно только эту земную жизнь прожить, чтобы на земле все было хорошо, чтобы никто не болел, чтобы нас никто не обижал, и все шло у нас гладко. Вот к этому мы стремимся и всё пытаемся нашу жизнь устроить. Пытаемся устроить – а у нас ничего не получается, все разрушается, а потом так и помираем ни с чем: и в этой жизни ничего не достигли, и небесная жизнь у нас проходит сквозь пальцы.

Бога и Царствия Небесного достигнет, пройдет мытарства только тот человек, который любит Бога больше всего: больше своей жизни, больше, чем маму с папой или чем своих деточек и внуков, больше, чем телевизор, собственное брюхо, свои наряды, – больше всего на свете. Что рядом с Богом ни поставь, человек всегда выбирает Бога. Поэтому Господь и говорит, что только таковых есть Царствие Небесное. Многие из нас, когда умрут, будут очень разочарованы, потому что каждый себя считает верующим человеком. Но не всякая вера спасает от грехов, а только такая, когда человек жизнь свою посвящает Богу.

Хорошо, что мы за родственников молимся, это говорит о том, что мы люди добрые, что у нас совесть есть. Это всё задатки хорошие, но их надо еще дальше развивать, надо устремляться к Богу, надо заповеди Божии исполнять. Хорошо ли, что мы родственников любим? Хорошо. Но надо, чтобы мы и Бога любили, потому что надеяться нам не на что: молиться за нас абсолютно некому, мы, кажется, последнее поколение церковное. Пусть каждый придет домой и подумает: кто за меня, когда я умру, будет молиться? Прийти, помянуть, заочно отпеть, чтобы чужой дядя в алтаре помолился, – это еще, может быть, для кого-то сделают. А чтобы ходить в церковь, просить: очисти, Господи, его от грехов, прости ему все, что он сотворил. Вот так с любовью молиться, да чтобы еще тот, кто молится, был Богу угоден, чтобы его молитва еще до Бога дошла – есть у нас такие? Нету. Спрашивается, почему же мы тогда время теряем, почему мы не ходим каждый день в церковь, почему мы до сих пор не выучили наизусть Священное Писание, заповеди Божии? Почему мы до сих пор не начали постов соблюдать? Почему живем как во сне? Разве мы не знаем, что люди умирают? Знаем. Значит, нам никакого оправдания нет, потому что мы нарушаем основную заповедь Божию.

Господь сказал: первая заповедь – возлюби Бога своего всею душою своей, всем умом своим, всю крепостию, всем своим существом. Мы все должны устремляться к Богу, а мы к Богу равнодушны. Вот мама умерла – мы плачем, папа умер – плачем, сыночек, не дай Бог, умер – вообще убиваемся. А то, что душа наша в аду пребывает, то, что мы Бога не знаем, не знаем еще, что такое Дух Святой, об этом мы не плачем, не

убиваемся. Но по покойникам-то плакать, оказывается, грех. Не положено по покойникам плакать, это не православный подход, это нехорошо. Некоторые нарочно напоказ стараются кричать, чтобы люди сказали: о, как она маму любит. А любовь-то не в этом выражается. Любовь выражается в том, что родителей надо чтить при жизни, помогать им. А то мама где-то там жила неизвестно где, а потом умерла – и начинают слезы лить. О чем же лить? Тогда расставались на месяцы, не виделись – и теперь расстались на некоторое время. Какое же тут горе?

Рыдать над покойником есть тяжкий грех еще и потому, что Бог Сам знает, кого когда забрать; кому надо девяносто пять лет прожить, чтобы осознать всю свою жизнь, а кому хватит и двух: родился, два года пожил и помер. Господь Сам знает, кому в Афганистане быть застреленным, а кому приехать из Афганистана и здесь умереть через месяц. Так тоже бывает: всю войну прошел, слава Богу, а дома умер уже после победы, десятого мая погиб. Потому что не от человека зависит, когда ему умереть.

И вот умер человек, а мы начинаем плакать, убиваться. Что это значит? Значит, мы не согласны с волей Божией. Бог человека забрал, а мы, видите ли, плачем, нам не нравится, мы кричим: за что? почему? мог еще пожить, врачи такие-сякие, не спасли! Как будто от врачей зависит, сколько человеку жить. Врач пытается помочь, сделать, что там по учебнику положено: при такой болезни такие таблетки, при другой – другие. Опухоль – значит, что надо? Операцию. Разрезали, отрезали, а уж выздоровеет ли, это от Бога зависит. Один и тот же палец у одного месяц заживает, а у другого три дня. Что Бог дал, кому сколько надо поболеть, тот столько и поболит. Поэтому убиваться, плакать по покойнику – это грешно, нехорошо, это и Бога очень оскорбляет. Но самое тяжелое впечатление получает та душа, по которой убиваются.

Я не люблю отпевать: отпеваем покойника, поем, стараемся, чтобы было слаженно, стараемся в каждое слово душу вложить, а люди вокруг черные платочки наденут, стоят сонно так и ждут. Ни слова не понимают, ни один не перекрестится, и только суета: куда эта пошла? кто будет холодец варить? кто чего первый понесет? какие венки? То есть молиться никто не молится. Получается, что покойник нужен только батюшке. Но ведь все слова, которые в отпевании сказаны, направлены именно к тому человеку, который стоит рядом и должен молиться.

И нам надо глубоко об этом задуматься. Не только во время родительской субботы, а почаще стараться размышлять о смерти, особенно о своей. Каждая душа человеческая после смерти пребывает в той обители, которой она сподобилась в результате своей жизни. Что заслужил, то и получаешь. Поэтому от того, как мы здесь живем, зависит наша участь там. Есть такое понятие: Страшный суд. Все об этом слышали, любой школьник, любой журналист это знает. А что такое Страшный суд, почему он будет, от чего это зависит? Это зависит от того, как люди на земле молятся. Пока есть еще святые угодники Божии, которые молятся за весь мир, мир стоит. Таких угодников Божиих очень мало, меньше, чем пальцев на обеих руках, но их молитва сдерживает гнев Божий, который мы своей жизнью заслужили – и мы сами это понимаем.

Вот фашисты напали на нашу землю – мы, естественно, понимаем, что всю эту фашистскую нечисть нужно истребить, с лица земли стереть. Потому что это не люди, они дошли до самого последнего зверства, до которого можно дойти. Их никто не звал, они пришли, убивали, причем не просто убивали, а зверски: жгли в печах, душили в газовых камерах. Понятно, что у нас родилось чувство справедливого гнева. Поэтому мы встали на войну, мы смогли их победить ценой очень большой крови: на одного немца десять русских положили, но все-таки прогнали. А теперь другая война идет, но о ней никто не задумывается, ни один борец за мир ни в одной речи никогда об этом не говорит. Немцы за четыре года убили двадцать миллионов человек – значит, по пять миллионов в год убивали. А у нас в стране ежегодно убивают восемь миллионов, и не какие-то фашисты, гитлеры, а матери своих собственных детей в своем чреве, что ни одному гитлеру в голову бы не пришло. Ни один фашист до этого не додумается, а современный русский человек дошел до такого осатанения, что убивает совершенно спокойно: а, подумаешь, аборт. Никто, ни птица, ни кошка, ни собака, до такого зверства не дойдет, а человек доходит.

Что с нами за это нужно сделать? Есть ли на свете такая казнь, которой нужно нас казнить? Даже если нас живьем сжечь, то этого будет мало. Почему до сих пор на нас небо не упадет, луна почему нас не раздавит? Именно потому, что еще находятся люди, которые молятся Богу. Но их становится все меньше. Даже в церкви: люди вроде верующие, а посмотри, как они живут. Вот мы пришли сегодня в храм молиться Богу, покойников наших поминать, мы все верующие. А чем наша жизнь отличается от жизни людей неверующих? Ничем, ни внешне, ни внутренне. Спрашивается, сколько же Господь может это беззаконие терпеть?

Мы видим: люди уже настолько озверели, что, конечно, Страшный суд будет, это совершенно очевидно. А перед этим придет антихрист и станет единым правителем над всем человечеством. Все народы объединятся, никаких войн не будет, будет дружба. Тот мир во всем мире, за который все борются, наконец, наступит – мир антихриста. Все будут кричать: ура! да здравствует! Наконец-то мы освободились от войн! –

антихриста прославлять. А этот человек будет дьявол во плоти, и его правление продлится всего три с половиной года. Потом, в середине его царствования, начнется страшный голод, и люди будут просить, чтобы он их накормил, а он скажет: а что я могу сделать? это не от меня зависит. Таким образом Господь даст понять, что жизнь зависит не от этого правителя, а только от Него.

И тогда некоторые действительно к Богу повернутся, но основная масса все равно будет Его проклинать, как и сейчас проклинает. Люди сами грешат, а Бога во всем обвиняют: почему это Он допускает войны? почему это Он допускает смерть младенцев? почему это Он нас так создал, что мы такие плохие? Все на Бога сваливают. Бог сделал человека прекрасным, а люди все изуродовали, все превратили в помойку, и, вместо того чтобы себя обвинить, покаяться, они во всем Бога обвиняют. Так же и при антихристе будут небеса проклинать, а потом осатанение дойдет до того, что возненавидят христиан, начнут их гнать, мучить и убивать. Когда же скорбь христианская достигнет предела, Господь с силою и славою мною сойдет на землю и тех, кто ни на какие подачки антихриста не согласился и сохранил верность Богу, соберет, а остальных от Себя отринет. И благодать Божия, в такой силе пришедшая на землю, воскресит всех людей, живших от Адама. Мы так и поем в Символе веры: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века».

Некоторые говорят: а как же все воскреснут, где они поместятся? На самом деле до нас жило не так-то много людей. Сейчас на земле живет пять миллиардов человек, и умерло тоже пять миллиардов, чуть больше. Поэтому если все воскреснут, на земле тесно не станет, а будет гораздо просторнее, чем сейчас в Китае, мы эту прибавку даже и не заметим. И вот тогда уже произойдет окончательный суд и окончательное разделение. Одни пойдут в вечное Царство блаженства со Христом – те, которые Богу угодили, и те, которые не очень Богу угодили, но которых мы с вами вымолили: молились, просили прощения их грехов, и Господь их помиловал. Вот эти все пойдут в радость вечную, а остальные, которые Бога отвергали, не выполняли Его святых заповедей, – те пойдут в муку вечную.

Когда мы с вами умрем, до Страшного суда у нас еще останется время. И если за нас будут молиться, то по молитве Церкви наша участь может измениться. Но после Страшного суда ничто не изменится, поэтому он и называется страшным – потому что он окончательный. Поэтому если за нас некому молиться, надо нам вот что сделать: найти какого-то человека и облагодетельствовать его так, чтобы он всю жизнь о нас помнил. Мы всё на сына, на дочь, на племянника, на внука надеемся, а Господь сказал: тот, кто слушает слово Божие, тот Мне и сестра, и брат, и мать. Поэтому мы и обращаемся к церковным людям: братья и сестры. Хотя по крови-то мы все разные, по крови мы не родственники, но у нас есть нечто общее – дух. Это же гораздо важнее. И на наших деточек мы не можем положиться именно потому, что по телу мы родственники, а по духу – чужие люди. Поэтому любой верующий человек нам часто гораздо ближе, чем эти самые родственники. Значит, когда мы так о деточках да о внучках излишне печемся, мы делаем величайшую глупость. Лучше бы мы больше пеклись о братьях по вере. Тогда, может быть, они за нас и помолились бы. Как в притче о домоправителе, который мудро поступил – вот так же и мы можем найти себе друзей «богатством неправедным», чем-то человека отблагодарить, как-то ему помочь. Поэтому если у нас молитва плохая, если мы не способны вникнуть в заповеди Божии, мы можем делать добро. Каждая собака и кошка чувствует, что такое добро, и каждый человек это понимает. И надо нам стараться как можно больше делать добра, чтобы, когда мы умрем, как можно больше людей о нас вздохнуло: Господи, какой хороший человек умер! И вспомнили нас добром, и помолились о нас хотя бы один разок. Представляете, если за нас один разок помолится десять человек? Как хорошо! А если за нас два разочка помолится сто человек? А если в течение пяти лет на каждой родительской нас будут поминать тысяча человек? Неужели тысяча человек не умолят Бога за одну душу? Умолят, упроят. Скажут: он, может, и нагрешил, но Ты его прости, ведь сколько же он добра сделал: и мне, и тому, и тому...

Поэтому, пока у нас еще есть такая возможность, пока время есть, надо стараться все время добро делать, да так обильно, чтобы у человека, которому мы его делаем, аж дух захватывало, чтобы он никогда в жизни этого не забыл, чтобы его это ошеломило, чтобы он всю жизнь нас как благодетелей вспоминал. Недаром мы молимся о родителях, о духовном отце, наставниках и благодетелях. Хотя мы люди грешные, и мало чего понимаем, и многие уже к учению и не способны, но у нас остается вот это великое дело – будем стараться делать добро, чтобы через это приобретать себе молитвенников. Иначе жуткая участь нас ждет, просто жуткая. Недаром Господь такие слова подбирал: геенна огненная, огонь неугасимый, червь неусыпающий, – чтобы мы поняли, что это все не шуточки, это все очень серьезно. Пройдет еще немножко времени, несколько лет, и мы в этом убедимся на сто процентов.

Так что, если у нас есть хоть какая-то вера, надо обязательно к жизни своей относиться очень серьезно. А мы все порхаем, все телевизор смотрим, все стираем, все готовим, как будто это самое главное. Нет, обязательно надо задумываться. Голова дана не чтобы шапку носить или платок, а чтобы думать: вот я сейчас

живу – а вдруг завтра умру, и что потом? И каждый день надо так задумываться: с чем я к Богу пойду? на что я жизнь свою потратил? Да, вспомнил, какое-то добро я сделал. А зла сколько?

Недаром картина Страшного суда изображается в виде весов. Конечно, весов никаких не будет, но пусть каждый подумает: что на этом суде перевесит: то зло, которое он натворил в мире, или добро? Допустим, мы благодетельствовали сто человек – и в своем чреве убили одного ребеночка. Вот это убийство перевесит то добро, которое мы сделали, или нет? Сколько нужно детей из детского дома взять и воспитать, чтобы перевесить ту кровь, которую мы пролили? Кто это взвесит? Ведь сколько бы ты добра ни сделал, мертвого-то уже не воскресишь. Так как же нам нужно молиться, как же нам нужно просить, как же нам нужно умолять, сколько нужно в церковь ходить, как нам нужно грехи смывать! А мы всё спим, всё спим, а время-то идет, каждый день мы всё старимся, сосуды наши ветшают, сердце становится все более восприимчивым к болезням. Еще немножко, и мы умрем, душа отлетит. И что начнется?

Поэтому хорошо, что мы пришли за родственников помолиться, но нужно подумать и о себе, ведь о нас думать никто не будет. Будем молиться, будем задумываться, будем почаще в храм ходить. И если кто еще способен, его здесь научат, в чем заключается православная вера, как нужно верить правильно, что такое: православная. Верующих-то много. У любого на улице спроси: Бог есть? Есть. Но это ничего не значит, потому что спроси у сатаны: Бог есть? – он тоже скажет: есть. Сатана, значит, тоже верующий, и любой бес тоже верующий. Но бесы и сатана Царствия Божия не достигнут. Поэтому все эти верующие, которые веруют в душе, никогда в Царствие Божие не войдут, ни один. Придут, а им скажут: мы вас даже и не знаем. Вы в душе веровали – вот так в душе в Царствие Небесное и войдете, а на самом-то деле нет. Потому что на работу ходите не в душе, зарплату получаете не в душе, обедаете не в душе. Вот возьми и неделку в душе покушай. Или захотел поспать – в душе поспал, а сам сидишь и работаешь. Нет, мало, надо поспать, надо поесть, надо попить. А Бог – это, значит, так, это можно в душе?

Поэтому надо ходить в храм почаще и учиться православной вере. Еще не поздно. Раз мы живы, значит, Господь не потерял надежду. Потому что человек умирает в самый благоприятный момент своей жизни: либо он уже достиг самой большой благодати, которой мог, и тогда Господь его прибирает, либо Господь просто останавливает этого человека, потому что видит, что дальше будет хуже. Поэтому раз мы еще живы, Господь нам оставил еще какое-то время, значит, Он надеется, что мы сможем исправиться. Поэтому надо стараться времени не терять. Надо бросить все и заниматься только своей душой, а всем остальным – постольку-поскольку, если у нас останутся на то силы. Потому что ну будешь ты академиком, будешь министром, детям по машине купишь – и что толку, если самого главного-то нет? Машина есть, а веры нет, любви нет, исполнения заповедей Божиих нет. Спрашивается, зачем все это железо? Удобно, конечно, и на рынок съездить, и на работу, но это ведь не главное. К машине неплохо бы еще веру иметь. Сама машина не грех, но, когда она идет впереди заповедей Божиих, это уже плохо. Значит, не о том человек думает.

Прежде всего, каждый день, каждый час мы должны думать о своей душе, в каком она состоянии, близко ли она к Богу или далеко. И если мы будем об этом думать, наша жизнь будет меняться к лучшему. Господь нам в этом поможет, лишь бы сумели проснуться.

Почему я так долго говорю? Не потому, что надеюсь, что вы с завтрашнего дня все переменитесь. Но хоть бы одного удалось пробудить из ста – и то было бы величайшей наградой. Господь мне это тоже в заслугу поставит: сам, дескать, грешит, а вот человеку сумел рассказать, объяснить. Может, и мне какие грехи простит.

И надо нам всем все время стараться что-то для Господа сделать, послужить как-то Господу, каждому на своем месте. Тогда наша жизнь изменится. Поэтому, братья и сестры, то, что мы молимся за наших усопших сродников, это очень хорошо и очень правильно, это дело богоугодное. Но все-таки надо не забывать и о своей душе. Аминь.

Крестовоздвиженский храм, 4 ноября 1988 года, вечер